

УДК 81 272

DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-140-153

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ВЛАСТИ И СОЛИДАРНОСТИ В КОММУНИКАЦИИ ГОВОРЯЩИХ

Светлана В. Кириленко

Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Понятия власти (англ. 'power') и солидарности (англ. 'solidarity') в социальном взаимодействии являются поливалентными терминологическими маркерами в социолингвистике. Они используются во многих направлениях исследований в социолингвистике, что обусловлено важностью изучения способов формирования взаимоотношений внутри языковых сообществ, а также и в межъязыковой коммуникации. В работе рассматривается ряд моновалентных терминов как часть социолингвистических маркеров тематической терминологической группы «язык и социальное взаимодействие». Целью данной работы, которая носит обзорный характер, является представить описание социолингвистических маркеров, демонстрирующих власть над собеседником или солидарность с ним. Концепция власти в коммуникации рассматривается на микроуровне: анализируются способы выражения доминирования в коммуникации. Концепция солидарности изучается с точки зрения используемых средств выражения принадлежности говорящих к единой социальной или языковой группе. В статье рассматриваются такие социолингвистические переменные, как молчание и прерывание, позитивная и негативная вежливость, смешение и переключение кодов, открытый и скрытый престиж, корректность высказывания и адекватность высказывания как способы демонстрации доминирования в коммуникации или способы высказывания солидарности с собеседником. Анализируются функциональные особенности этих социолингвистических переменных в коммуникации.

Ключевые слова: социолингвистические маркеры, власть, солидарность, вежливость, престиж, корректность высказывания, переключение кодов.

SOCIOLINGUISTIC MARKERS OF POWER AND SOLIDARITY IN SPEAKERS' INTERACTION

Svetlana V. Kirilenko

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The concepts of power and solidarity in social interaction are polyvalent terminological markers in sociolinguistics. They are used in many areas of research in sociolinguistics, which is due to the importance of studying the ways of forming relationships within language communities, as well as in interlingual communication. The paper considers a number of monovalent terms as part of the sociolinguistic markers of the thematic terminological group "language and social interaction". The purpose of this work, which is of an overview nature, is to present a description of sociolinguistic markers that demonstrate power over the interlocutor or solidarity with him. The concept of power in communication is considered at the micro level: the ways of expressing dominance in communication are analyzed. The concept of solidarity is studied from the point of view of the means that are used to express the belonging of speakers to a single social or language group. The article deals with such sociolinguistic variables as silence and interruption, positive and

negative politeness, mixing and switching codes, overt and covert prestige, correctness of the statement and the appropriateness of the statement as ways of demonstrating dominance in communication or ways of showing solidarity with the interlocutor. The author analyzes the functional features of these sociolinguistic variables in communication. The illustrative material is presented by examples from the statements of the speakers (greeting, farewell, address, etc.) or from mini-dialogues.

Keywords: *sociolinguistic markers, power, solidarity, politeness, prestige, correctness of statement, code switching*

Введение

В статье рассматривается группа терминов, используемая в контексте «власть и солидарность» как часть тематической терминологической группы «язык и социальное взаимодействие» понятийного аппарата социолингвистики. Работа носит обзорный характер.

Терминосистема социальной лингвистики является сложной структурой, большая часть понятий носит поливалентный характер. Предметные связи терминов в первую очередь определяются тематической областью исследований. На основе определенного материала ранее были проанализированы связи терминов внутри нескольких социально актуализированных сфер общения [Кириленко, 2016]. Описание сфер общения основывалось на применении ряда социально актуальных для данной сферы терминов. Основываясь на принципе социального взаимодействия и формах существования языка, было выделено несколько тематических терминологических сфер: «язык и политика», «язык и нация» и «язык и контакты», «язык и конфликты», «язык и методы социолингвистического исследования», «язык и социальная дифференциация» и «язык и культура» [Там же]. Само описание представляет собой терминологическое поле для применения этих терминов. Выделяя понятия в терминологических полях в пределах сфер общения, можно проследить их связи по характеристикам, выраженным в приводимых определениях. В пределах терминологического поля каждой группы выделяются моновалентные, бивалентные и поливалентные термины, основываясь на понятии социолингвистическая валентность термина – «это его способность применяться в разных тематических терминологических полях» [Там же: 63]. Термины с высокой валентностью определяются как поливалентные. Они объединяют социолингвистику в единое целое и образуют единый метаязык социальной лингвистики.

Термины, которые характеризуют специфику конкретной группы, являются социально актуализированными. Данные термины обозначаются как маркеры или моновалентные термины. В настоящей работе рассматривается ряд моновалентных терминов как часть социолингвистических маркеров тематической терминологической группы «язык и социальное взаимодействие», с целью представить описание их применения и их

функционирование в пределах изучаемого терминологического поля «власть и солидарность».

В социолингвистике активно изучаются высказывания говорящих в их повседневной коммуникации и выбираемые ими средства общения для достижения коммуникативной цели. Социальные взаимоотношения между коммуникантами находят свое отражение не только в выбранных речевых средствах, но и в способах их применения. Равно важными для изучения с социолингвистической точки зрения являются не только способы выражения идентичности говорящих, но и их желание сблизиться или отдалиться от собеседника. Иными словами, речь идет о способах демонстрации доминирования в коммуникации и о способах выказывания солидарности с другим говорящим. В данной работе предложена новая система категоризации терминов терминологического поля «власть и солидарность», дан обзор функционированию наиболее актуальных социолингвистических маркеров этой тематической терминологической группы.

История и методология исследования

Исследования средств выражения власти и солидарности в межличностной коммуникации берут свое начало в 1960-х гг., когда Р. Браун и А. Джилман разработали концепцию солидарности на основе анализа использования местоимений «ты» – «Вы» в речи говорящих. Основным выводом в их исследовании стало то, что в европейских языках говорящие, при выборе в речи местоимения из пары «ты» – «Вы» руководствуются принципом солидарности. Р. Браун и А. Джилман также аргументировали, что произошел сдвиг в использовании этих местоимений, ранее они использовались как маркеры власти [Brown et al., 1960: 253-276]. Позднее, в 1993 г., у Д. Таннен эта концепция получила развитие, где Д. Таннен оспорила утверждение Р. Брауна и А. Джилмана [Tannen, 1993]. Она придерживалась мнения о том, что взаимосвязь между маркерами власти и солидарности более комплексная. По мнению Д. Таннен, в высказываниях может содержаться двойственность, поэтому элементы власти и солидарности могут присутствовать в одном и том же высказывании. С тех пор проводилось множество лингвистических и социолингвистических исследований, посвященных как проблеме власти, так и солидарности в высказываниях говорящих. П. Фридрих в работе «Социальные контекст и семантическая характеристика» [Friedrich, 1972] изучал использование местоимений в русском языке, где, среди прочих социолингвистических характеристик, подробно анализировалась эмоциональная солидарность собеседников. В работе П. Браун и С. Левинсона «Вежливость. Некоторые универсалии использования языка» ставится знак

равенства между позитивной вежливостью и солидарностью с собеседником, анализируются функции внутригрупповой солидарности; изучается проблема власти в контексте социальной дистанции [Brown et al., 1987]. Р. Браун и М. Форд (1961) исследовали проблему власти и солидарности на материале исследования форм обращения, принятых в кругу американского среднего класса [Brown et al., 1961]. Р. Хадсон (1996) изучал различия в типах солидарности: исследовались близкие отношения между людьми в сопоставлении с теми коммуникантами, между которыми сохраняется значительная дистанция [Hudson, 1996].

Целью данного исследования является дать обзор социолингвистическим терминам, используемым в контексте власти и солидарности в коммуникации говорящих. Для отечественного социолингвистического дискурса эта тема достаточно новая, поэтому материалом исследования стали в основном работы зарубежных социолингвистов, посвященные исследованию средств выражения власти или солидарности в интеракции. На их основе были выделены социолингвистические маркеры, с точки зрения их принадлежности к той или иной категории. Основным фокусом исследования является проблема симметрии и асимметрии в коммуникации. Общеизвестно, что взаимодействие с позиции власти предполагает асимметричные взаимоотношения, а с позиции солидарности – симметричные. Однако анализ социолингвистических маркеров показывает, что их применение в коммуникации может быть как однозначным, так и амбивалентным.

Социолингвистические маркеры власти и солидарности: обсуждение

Прерывание и молчание.

В каждой культуре существуют определенные нормы, регулирующие то, каким образом говорящие поддерживают беседу и прерывают собеседника. В социолингвистике прерывание собеседника обычно трактуется с негативной точки зрения: «прерывание, как правило, используется в повседневном смысле как враждебное или, по крайней мере, нежелательное вторжение говорящего в реплику собеседника» ('interruption tends to be used in its everyday sense of a hostile or at least unwelcome incursion by a speaker into another's speaking turn') [A Dictionary..., 2012: 152–153]. Роль прерывания в коммуникации и его функции подробно рассматриваются у Д. Циммермана и К. Вест в контексте гендерного взаимодействия [West et al., 1983: 103–117]. В своей работе авторы обосновывают, каким образом реализуется доминирование над собеседником в коммуникации с помощью прерывания: «асимметрия в иницировании прерывания являет собой неравноправие позиций, легко обнаруживаемое как в повседневных, так и в необычных ситуациях, когда мужчины и женщины собираются вместе, чтобы поговорить» ('the asymmetry in the initiation

of interruption constitutes a power differential readily found in both ordinary and extraordinary settings in which men and women come together to talk') [Ibid.: 111]. Соответственно, при возникновении асимметрии или дисбаланса в коммуникации путем прерывания, этот социолингвистический маркер превращается в средство выражения доминирования или власти. В некоторых случаях, напротив, прерывание собеседника несет в себе элементы выражения солидарности. При этом, это относится только лишь к определенной манере прерывания: «хотя прерывание часто считают нарушением права говорящего высказываться, «частые» прерывания могут иметь место в речи близких друзей как форма общей беседы» ('while they are often thought of as an infringement of the original speaker's right to speak, 'frequent' interruptions may occur in the speech of close friends as a form of collaborative talk') [Graddol, 1994: 172]. Таким образом, с социолингвистической точки зрения, прерывание в коммуникации является преимущественно средством выражения власти.

Молчание изучается в социолингвистике как значимое коммуникативное действие, рассматриваемое на разных уровнях взаимодействия коммуникантов: функция и длительность паузы, культурные нормы и значения молчания, молчание как стратегия говорящего. Молчание собеседника может быть вызвано многими причинами. Паузы в диалоге возникают для обдумывания ответной реплики, в случае обсуждения деликатных вопросов. Короткая пауза работает как точка перехода (англ. transition relevance place) в диалоге перед очередной репликой собеседника. Паузы могут выступать в функции поощрительного молчания с тем, чтобы собеседник продолжил свой рассказ, здесь молчание выступает в функции солидарности. Если же молчание сопровождается невербальными жестами или мимикой, оно может быть весьма красноречивым инструментом коммуникации, имеющим позитивный или негативный эффект. В определенных ситуациях общения молчание может быть средством выражения власти в коммуникации, как, например, молчаливое игнорирование другого говорящего или угрожающее молчание. В некоторых ситуациях значение молчания довольно трудно истолковать правильно, в особенности, если люди мало знакомы друг с другом. Отмечается, что при определённой степени близости отношений, молчание может занимать в коммуникации довольно долгое время: «чем прочнее взаимоотношения, тем длиннее периоды молчания» ('the stronger the relationship, the longer the period of silence') [Al-Harabsheh, 2014: 18]. Иногда молчание ожидаемо и приветствуется. К примеру, в восточных культурах при сватовстве предполагается, что невеста хранит молчание, а беседу ведет ее родственник-мужчина. При этом, молчание женщины не означает, что ее мнение не учитывается в таком важном вопросе, «не означает, что у женщины нет власти, так как именно женщины организуют все

это мероприятие» ('the woman's silence in this case does not mean lack of power, because the women organise everything before this event') [Ibid.: 20]. Таким образом, можно утверждать, что функция молчания в коммуникации – амбивалентная. Молчание может быть средством выражения власти, но и также и солидарности, особенно если в коммуникации принимают участие трое и более собеседников.

Корректность высказывания и адекватность высказывания.

Корректность или правильность высказывания (англ. correctness) может выступать социолингвистическим маркером власти в коммуникации. «В речевых сообществах ... говорящие на родном языке имеют представление о том, какие лингвистические формы являются правильными, и какие – нет» ('in speech communities "...", native speakers tend to have notions about which linguistic forms are correct and which are not') [Trudgill, 2003: 29]. В социолингвистике подобные прескриптивистские воззрения обычно подвергаются критике, ведь язык – это живой, развивающийся организм и он принадлежит говорящим на нем людям. В стремлении «очистить» язык, пуристы, стараясь «исправить» его, сделать его «правильным» доходят до, так называемой, «вербальной гигиены». Сам термин и его дефиниция была предложена Д. Кемерон в 1995 г. Вербальная гигиена – это «стремление улучшить или “очистить” язык» ('an urge to improve or 'clean up' language') [Cameron, 1995: 1]. В русском языке сторонники прескриптивизма в языке получили название «граммар-наци» или «грамматические нацисты», для которых не только ошибки, но и опечатки служат поводом для критики.

Примером средств выражения власти с приемом корректности в речевом этикете мог бы стать следующий мини-диалог:

А: «Драсть!»

Б: «Не 'драсть', а здравствуйте!». «Говори правильно!».

Адекватность или уместность высказывания (англ. appropriateness) является отличным социолингвистическим понятием к термину правильность. Термину адекватность дается следующее определение: «степень, до которой использование языка соответствует лингвистическим и социолингвистическим ожиданиям и практикам носителей языка» ('the extent to which a use of language matches the linguistic and sociolinguistic expectations and practices of native speakers of the language') [Richards, Schmidt, 2010: 30]. Функциональное применение адекватности высказывания подробно изучалось у Н. Фейрклафа [Fairclough, 1992: 33-56], где обосновывалось, что детям, при изучении иностранного языка, нужно

позволять использовать в речи также и нестандартные языковые варианты, так как они могут быть уместными в дружеском общении, в играх, в спорте и т.д.

Речевые формы, являющиеся грамматически, лексически или фонетически нестандартными, тем не менее, могут быть адекватными речевыми формами в определённом контексте. Использование сленговой формы I ain't, как, например, в песне Н. Симоне 'Ain't Got No, I Got Life' является уместным в этом специфическом контексте песни, где часто используются неформальные обороты речи: 'I ain't got no home, ain't got no shoes, ain't got no money...' (у меня нет дома, нет туфель, нет денег...). Или, допустим, высказывание «дай воды» может быть вполне уместным, если его произнес ребенок по отношению к родителю, но в формальной ситуации общения это высказывание будет сочтено грубостью. Примером использования адекватности как социолингвистического маркера солидарности может стать прощальная фраза девочки-подростка «пока, я пошел». Это грамматически неверное высказывание. Тем не менее использование глаголов мужского рода является достаточно распространенным по отношению к собственным действиям или действиям подруг в речи современных русскоязычных девочек подросткового возраста. Использование подобных речевых форм является своего рода групповым жаргоном, подчеркивающим принадлежность к одной социальной мини-группе.

Открытый и скрытый престиж.

Разграничение между открытым и скрытым престижем в речевых формах было впервые введено У. Лабовым в 1966 г.: «концепция скрытого престижа, относится к нестандартным (языковым) формам, точно так же как открытый престиж относится к стандартным формам» ('the construct of covert prestige, associated with nonstandard forms just as overt prestige is attributed to standard forms') [Labov, 2006: 402]. В этом разграничении новшеством было не само появление разграничения, а в выводе У. Лабова о том, что нестандартные речевые формы, к тому же считающиеся присущими людям с низким социальным статусом, обладают определенным скрытым престижем. И именно это и способствует стойкому сохранению у говорящих этих речевых форм в их языковом репертуаре.

Скрытый престиж речевых форм является активно изучаемым сегментом социальной лингвистики. Одним из самых известных исследований на эту тему является работа П. Традгилла «Социальная дифференциация английского языка в городе Норидж» [Trudgill, 1979]. П. Традгилл, анализируя интервью говорящих, обнаружил, что мужчины стараются чаще использовать нестандартные формы в речи, чем это делают женщины. Исследовав причины этого социолингвистического явления, он пришёл к выводу о том, что эти речевые

формы скрытого престижа связаны с представлением мужчин о мужественности. Нестандартные формы, по мнению П. Традгилла, распространенные среди мужчин-говорящих рабочего класса, содержат «коннотации мужественности, ассоциируемые с жесткостью и суровостью и считаются желанными мужскими атрибутами» ('connotations of masculinity associated with roughness and toughness are considered to be desirable masculine attributes') [Ibid.: 94]. П. Традгилл также отмечает, что «использование речевых форм скрытого престижа не только подчеркивает принадлежность к единой социальной группе, но и помогает демонстрировать дружественное отношение и лояльность» ('the covert prestige associated with such linguistic forms bestows status on their users as being members of their local community and as having desirable qualities such as friendliness and loyalty') [Ibid.: 30]. Таким образом, так как «варианты скрытого престижа являются маркерами внутригрупповой солидарности» ('covert-prestige variants are markers of within-group solidarity') [A Dictionary..., 2012: 249], соответственно, их можно причислить к средствам выражения солидарности в коммуникации говорящих.

Речевые формы открытого престижа обычно более распространены в кругу образованных людей: «открытый престиж обычно присущ речевым формам социально-экономически господствующих классов» ('overt prestige is typically attached to the speech forms of the socio-economically dominant classes') [Ibid.: 249]. Средства выражения открытого престижа распространены в образовательных сферах общения (школы, университеты), а также в средствах массовой информации (газеты, радиовещание). П. Традгилл отмечал, что «женщины стараются чаще придерживаться речевых форм, обладающих открытым престижем, так как женщинам важно укреплять и обозначать свой социальный статус лингвистически» ('it is therefore more necessary for women to secure and signal their social status linguistically') [Trudgill, 2003: 30].

Хорошим примером использования в коммуникации средств выражения открытого престижа является акцент RP ('Received Pronunciation') в речи англоговорящих людей. Это английский акцент, который еще называют «королевский английский» ('Queen's English'). Речь с использованием этого акцента считается речью высокообразованного человека, обладающего высоким социальным статусом. При этом не более 3% англичан используют этот акцент в речи. Одной из причин тому является негативное отношение со стороны других говорящих по отношению к говорящим на RP. Считается, что они звучат слишком высокомерно ('posh') или «как снобы» ('like a snob'). Интересно, что Маргарет Тэтчер специально училась говорить с акцентом RP, чтобы звучать более убедительно и более значимо. Точно так же поступил позднее и известный футболист и медийная персона

Дэвид Бекхэм [BBC, 2017]. Речевые формы открытого престижа используются, таким образом, как маркеры более высокого статуса. Следовательно, при коммуникации, такие формы используются говорящими с целью показать свою принадлежность к социальному классу более высокого уровня, и если это делается с целью доминирования, то такие речевые формы становятся социолингвистическим маркером выражения власти.

Позитивная и негативная вежливость.

Категория вежливости исследуется в отечественной социолингвистике достаточно широко [Социолингвистика и социология языка, 2015]. Вежливость в социолингвистическом контексте рассматривается как лингвистические средства выражения интереса, уважения, любезности к собеседнику [A Dictionary..., 2012: 242]. Теория вежливости изначально разрабатывалась П. Браун и С. Левинсоном (1987), в дальнейшем она получила широкое распространение в различных областях социолингвистики. Теория вежливости базируется на концепции, основой которой является понятие «лицо» ('face'). Э. Гофман дал следующее определение термину «лицо» – «позитивная социальная значимость, которую индивид демонстрирует в процессе коммуникации» ('the positive social value a person effectively claims for himself by the line others assume he has taken during a particular contact') [Gofman, 1972: 319]. Понятие «лица» связано с общественным восприятием публичного имиджа индивида, этот имидж нужно изменять в процессе коммуникации. Соответственно, в теории вежливости существует подразделение: на «позитивное лицо» и «негативное лицо», т.е. стремление заслужить одобрение со стороны окружающих и желание проявить свою власть над окружающими. В теории вежливости П. Браун и С. Левинсоном выделяется три стратегии: позитивная вежливость (выражение солидарности), негативная вежливость (выражение принуждения) и неофициальная вежливость (отказ от выражения каких-либо устремлений); они утверждали, что все эти стратегии коммуникации тесно связаны с социальными детерминантами между говорящим и его собеседником [Brown et al., 1987: 2]. С точки зрения увеличения или уменьшения дистанции между собеседниками актуальны для рассмотрения первые два типа: позитивная и негативная вежливость. Первая форма предполагает сближение, вторая – дистанцирование. Важно отметить, что к «негативной вежливости» близки так называемые стратегии вуалирования – избегание навязывания собеседнику своей позиции» [Словарь..., 2006: 86].

Таким образом, речевые формы выражения позитивной вежливости выражают солидарность с собеседником: внимание к его высказываниям, поддержка собеседника, избегание выражения несогласия, избегание навязывания своего мнения, использование выражений из общего внутригруппового жаргона, комплименты собеседнику и т.д. Средства

выражения негативной вежливости, напротив, используются либо с целью сохранения социальной дистанции, либо для выражения доминирования: иносказание (высказывания в косвенной речи), категоричное высказывания несогласия, подвергание сомнению утверждений собеседника.

Переключение кодов и смешение кодов.

В отечественной социолингвистике переключение и смешение кодов исследовалось у многих авторов: Е.В. Головки (2001), Н.Б. Вахтин, Е.В. Головки (2004), Т.С. Остапенко (2014), Н.Б. Вахтин, Е.В. Головки (2015), Л.Р. Зурабова (2019). Однако с точки зрения использования переключения или смешения кодов как средств выражения власти или солидарности данная проблематика была относительно мало изучена.

Переключение кодов обычно рассматривается в социолингвистике как переключение с одного языка на другой язык, однако переключение может иметь место между диалектами или стилями языка. Под смешением кодов понимается частный случай переключения кодов, при котором переход с языка на язык (или с одного языкового варианта на другой) происходит в пределах одного предложения. В отдельных случаях, если смешение кодов происходит чрезвычайно интенсивно, бывает трудно определить, на каком именно из языков идет общение, как в следующем примере, где одно предложение на английском языке, а следующее за ним на индонезийском: *'That is the book'. 'Aku mau membaca buku itu besok'*. [Fanani, 2018, 69].

Переключение кодов в речи может быть маркером как власти, так и солидарности. В работе, посвященной переключению кодов в речи говорящих, авторства С. Майерс-Скоттон, анализируется проблема переключения кода в речи как изменение в коммуникации по трем социальным сферам интересов говорящих или «аренам» (social arenas) – сфера выражения идентичности, сфера выражения власти и промежуточная (нейтральная) сфера [Myers-Scotton, 1993: 67-70]. Переключение кодов рассматривается как маркер власти в том случае, если переключение происходит на язык, доминирующий в речевой общности. Во всех остальных случаях, переключение или смешение кодов выступает в роли маркера солидарности, с помощью которого говорящие подчеркивают общую идентичность. Дж. Холмс подчеркивает, что «говорящий может переключаться на другой язык с целью демонстрации принадлежности к группе людей и общей идентичности с собеседником» ('a speaker may. . . switch to another language as a signal of group membership and shared ethnicity within an addressee') [Holmes, 2000: 26]. Важно отметить, что в билингвальных сообществах, языковым кодом «солидарности» служит язык, используемый в неформальном общении, а языковым кодом «доминирования» является язык, используемый в более

формальных ситуациях. Различные виды кодового переключения являются по сути социальными показателями статуса говорящего и его собеседника; под видами переключения кода в коммуникации имеется в виду частотность переключений, превалирование одного кода над другим в количественном выражении.

Заключение

Представленный обзор некоторых социолингвистических моновалентных терминов тематической терминологической группы «язык и социальное взаимодействие» показал основные области применения понятий, относящихся к теме «власть и солидарность». Удалось разработать классификацию применения этой группы терминологических единиц.

Исследование проблемы симметрии и асимметрии в коммуникации на материале социолингвистических маркеров, выражающих власть или солидарность, показало, что хотя коммуникация с позиции власти и предполагает, на первый взгляд, асимметричные отношения, а с позиции солидарности – симметричные, тем не менее, некоторые социолингвистические параметры имеют амбивалентный характер. К социолингвистическим маркерам власти относятся такие социолингвистические элементы коммуникации, как: открытый престиж, негативная вежливость, правильность (корректность) высказывания, прерывание собеседника. Социолингвистические маркеры солидарности – это скрытый престиж, позитивная вежливость, уместность высказывания, переключение и смешение кодов. Молчание в коммуникации, в отдельных случаях средства выражения открытого престижа и переключение языкового кода могут носить двойственный характер с точки зрения выражения власти или солидарности.

Литература

- Зурабова Л.Р.* (2019) Грамматический аспект изучения переключения языковых кодов: модели и подходы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 4. С. 24–34. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-24-34
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* (2004) Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб: Гуманитарная академия; Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 336 с.
- Головкин Е.В.* (2001) Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. С. 298–316.
- Кириленко С.В.* (2016) Процессы формирования понятийного аппарата социолингвистики. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Место защиты: Институт языкознания РАН]. М. 276 с.
- Социолингвистика и социология языка: хрестоматия: В 2 т. (2015) / Сост. Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин; отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. Т. 2. 726 с.

- Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН. 312 с.
- Остапенко Т.С.* (2014) Становление понятия «переключение кодов»: Междисциплинарный подход // Социо- и психолингвистические исследования. № 2. С. 171–176.
- A Dictionary of Sociolinguistics (2012). Ed. by J. Swann, etc. Edinburgh. 384 p.
- Al-Harrahshah, Ah.* (2014) The Sociolinguistic Roles of Silence in Jordanian Spoken Arabic // Journal of Advances in Linguistics. 1(1). Pp. 17–32
- BBC news. 17 April 2013. Why people change the way they speak. [Электронный ресурс] <https://www.bbc.com/news/av/uk-22183566>, дата обращения 24.11.2022.
- Brown, P., Levinson, S.C.* (1987) Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge university press. Vol. 4. 345 p.
- Brown, R., Ford, M.* (1961) Address in American English // Journal of Abnormal and Social Psychology. № 62. Pp. 275–285
- Brown, R., Gilman, A.* (1960) The pronouns of power and solidarity // Style in language / T.A. Sebeok (ed.). MIT Press. 1960. Pp 253–276.
- Cameron, D.* (1995) Verbal Hygiene. L.: Routledge. 268 p.
- Fanani, A., Ma'u, J.* (2018). Code switching and code mixing in English learning process // LingTera. 5(1) Pp. 68–77. doi:<http://dx.doi.org/10.21831/lt.v5i1.14438>
- Fairclough, N.* (1992) The appropriacy of appropriateness / N. Fairclough (ed.) // Critical Language Awareness. L.: Longman. 356 p.
- Friedrich, P.* (1972). Social context and semantic feature: The Russian pronominal usage / J. Gumperz, D. Hymes (Eds.) // Directions in sociolinguistics. N. Y.: Holt, Rinehart, Winston. Pp.270–300.
- Goffman, E.*(1972)On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth: Penguin. Pp 319–346.
- Graddol, D., Cheshire, J., Swann, J.* (1994) Describing Language, 2nd ed. Buckingham: Open University Press. 250 p.
- Holmes, J.* (2000). An Introduction to Sociolinguistics. 2nd ed. Wellington: Longman.
- Hudson R.* (1996). Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press. 296 p.
- Labov W.* (2006). The Social Stratification of English in New York. Cambridge: University of Cambridge Press. (first published in 1966).
- Myers-Scotton, C.* Social motivations for codeswitching: Evidence from Africa (1993) // Oxford studies in language contact. Oxford: Clarendon. Pp. xii, 177.
- Richards, J. C., Schmidt, R.* (2010) Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. Longman Pearson Education Limited. L.. 606 p.
- Tannen, D.* (1993) Gender and Conversational Interaction. Oxford: Oxford University Press. 327 p.
- Trudgill, P.* (1979) The Social Differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge University Press.. 222 p.
- Trudgill, P.* (2003) A Glossary of Sociolinguistics. Oxford University Press. 145 p.
- West, C., Zimmerman, D.H.* (1983). Small insults: A study of interruptions in cross-sex conversations between unacquainted persons / B. Thorne, Ch. Kramarae, N. Henley (Eds.) // Language, gender and society. Rowley, MA: Newbury House. Pp. 103–117/

References

- Zurabova, L.R.* (2019) Grammaticheskiy aspekt izucheniya pereklyucheniya yazykovykh kodov: modeli i podkhody [Grammatical aspects of code-switching: models and approaches] // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. No. 4. Pp. 24–34. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-24-34. (In Russ.)

- Vakhtin, N.B., Golovko, Ye.V. (2004) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: Uchebnoye posobiye* [Sociolinguistics and Sociology of Language: Textbook]. SPb: Gumanitarnaya akademiya ; Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge. 336 p. (In Russ.)
- Golovko, E.V. (2001) [Switching codes or a new code?] // *Trudy fakul'teta etnologii* [Proceedings of the Department of Ethnology]. SPb.: European University at Saint-Petersburg Publ., 2001, Pp. 298–316. (In Russ.)
- Kirilenko, S.V. (2016) *Protsessy formirovaniya ponyatiynogo apparata sotsiolingvistiki*. Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 [The processes of formation of the conceptual apparatus of sociolinguistics. Dis. ... cand. of philol. sciences: 10.02.19]. [Mesto zashchity: Institut yazykoznaniya RAN]. M., 2016. 276 p. (In Russ.)
- Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: khrestomatiya: V 2 t.* [Sociolinguistics and the sociology of language: a reader in 2 volumes]. (2015) Vol. 2 / Ed. N.B. Vakhtin, Ye.V. Golovko. SPb.: Izd-vo Yevropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge. 726 p. (In Russ.)
- Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / Ed. by V.Yu. Mikhail'chenko. M.. 312 p. (In Russ.)
- Ostapenko, T.S. (2014) *Stanovleniye ponyatiya «pereklyucheniye kodov»: mezhdistsiplinarnyy podkhod* [Formation of the notion “code-switching”: a multidisciplinary approach] // *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic research]. No. 2. Pp. 171–176. (In Russ.)
- Al-Harashsheh, Ah. (2014) *The Sociolinguistic Roles of Silence in Jordanian Spoken Arabic* // *Journal of Advances in Linguistics*. No. 1(1). Pp. 17–32.
- BBC news. 17 April 2013. *Why people change the way they speak*. [Электронный ресурс] <https://www.bbc.com/news/av/uk-22183566>, дата обращения 24.11.2022.
- Brown, P., Levinson, S.C. (1987) *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge university press. Vol. 4. 345 p.
- Brown, R. and Ford, M. (1961) *Address in American English* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. No. 62. Pp. 275–285
- Brown, R., Gilman, A. (1960) *The pronouns of power and solidarity* // *Style in language* / T.A. Sebeok (ed.). MIT Press. 1960. Pp 253–276.
- Cameron, D. (1995) *Verbal Hygiene*. L.: Routledge. 268 p.
- Fanani, A., Ma'u, J. (2018). *Code switching and code mixing in English learning process* // *LingTera* No. 5(1). Pp. 68-77. doi:<http://dx.doi.org/10.21831/lt.v5i1.14438>
- Fairclough, N. (1992) *The appropriacy of appropriateness* / N. Fairclough (ed.) // *Critical Language Awareness*. L.: Longman. 356 p.
- Friedrich, P. (1972). *Social context and semantic feature: The Russian pronominal usage* / J. Gumperz, D. Hymes (Eds.) // *Directions in sociolinguistics*. Pp. 270–300. N. Y.: Holt, Rinehart, Winston.
- Goffman, E. (1972) *On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction* / E. Goffman *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth: Penguin. Pp 319–346.
- Graddol, D., Cheshire, J., Swann, J. (1994) *Describing Language*. 2nd ed. Buckingham: Open University Press. 250 p.
- Holmes, J. (2000). *An Introduction to Sociolinguistics*. 2nd ed. Wellington: Longman.
- Hudson, R. (1996). *Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 296 p.
- Labov, W. (2006). *The Social Stratification of English in New York*. Cambridge: University of Cambridge Press (first published in 1966).
- Myers-Scotton, C. (1993) *Social motivations for codeswitching. Evidence from Africa* // *Oxford studies in language contact*. Oxford: Clarendon. Pp. xii, 177.
- Richards, J. C., Schmidt, R. (2010) *Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics*. Longman Pearson Education Limited. L. 606 p.
- Tannen, D. (1993) *Gender and Conversational Interaction*. Oxford: Oxford University Press. 327 p.

- Trudgill, P.* (1979) *The Social Differentiation of English in Norwich*. Cambridge: Cambridge University Press. 222 p.
- Trudgill, P.* (2003) *A Glossary of Sociolinguistics*. Oxford University Press. 145 p.
- West, C., Zimmerman, D.H.* (1983). Small insults: A study of interruptions in cross-sex conversations between unacquainted persons / В. Thorne, Ch. Kramarae, N. Henley (Eds.) // *Language, gender and society*. Rowley, MA: Newbury House. Pp. 103–117.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

Кириленко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: svetlanavk@inbox.ru

Для цитирования: *Кириленко С.В.* Социолингвистические маркеры власти и солидарности в коммуникации говорящих [Электронный ресурс] // *Социолингвистика*. 2022. № 4 (12). С. 140–153. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-140-153

For citation: *Kirilenko, S.V.* Sociolinguistic markers of power and solidarity in speakers' interaction [online] // *Sociolinguistics*. 2022. No. 4 (12). Pp. 140–153. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-140-153